

ЗИГЗАГИ ПОЛИТИКИ

Все исследователи, изучавшие историю России в годы опричнины, пришли к общему заключению, что на втором году ее существования опричный режим заметно смягчился.

Наиболее значительным свидетельством перемен стал приезд в Казань 1 мая 1566 года «с государевым жалованьем» Федора Черемисинова: «государь пожаловал, ис Казани и ис Свияжского опальных дворян взял». Правда, снятие опалы касалось лишь части сосланных: «другую половину дворян, — как отмечено в записи «Разрядных книг», — пожаловал государь опосле». Начался возврат княжатам

отобранных было у них родовых вотчин. Мы не знаем, ни чем был вызван такой важный поворот, ни чем он мотивировался: официальная летопись, сообщая о ссылке опальных в Казань, не сообщает ничего об отмене царского указа. Возможно, попытка так решительно изменить всю традиционную структуру дворянского сословия встретила сопротивление даже той части дворянства, которая готова была поддерживать политику царя, ибо ставился под сомнение сам принцип осуществления назначений в соответствии с «породой». Впрочем, это только предположение. Как бы то ни было, сделанный шаг свидетельствовал о явном стремлении царя смягчить свои отношения с той частью дворянства, которая осталась в «земщине» и не пользовалась милостями монарха.

Этот жест царя оказался не единственным. В апреле 1566 года по ходатайству земских бояр и дворян во главе с конюшим боярином Иваном Петровичем Федоровым царь снял опалу с одного из главных героев Казанского взятия князя Михаила Ивановича Воротынского, сидевшего под стражей на Белоозере. Выше уже говорилось о том, что столкновения царя с окружающей его знатью еще до наступления опричнины затронули интересы служилых князей на юго-западе России: в 1562 году царь наложил опалу на наиболее могущественных из них, князей Воротынских, и отобрал у них родовое княжество. Один из Воротынских, князь Александр, был со временем помилован, но вскоре умер, а другой, князь Михаил, продолжал сидеть под стражей. При учреждении опричнины один из принадлежавших ранее Воротынским городов — Перемышль — был включен в состав особого «удела», чем, как представляется, царь явно показал желание и далее удерживать родовые владения Воротынских под своей властью. Тогда же у соседей Воротынских, князей Одоевских, царь отобрал и включил в состав своего удела город Лихвин.

Теперь с Михаила Воротынского была снята опала, он вернулся в Москву и уже 9 июня 1566 года обедал за столом у царя. Этим дело не ограничилось. Как следует из завешания князя Михаила, составленного в июле 1566 года, царь вернул ему значительную часть родовых вотчин: города Одоев, Чернь и Новосиля. Конфискация родовых вотчин и княжеской казны («все взято... в государеве опале на государя»), продолжавшаяся несколько лет ссылка разорили одного из крупнейших магнатов России того времени. Он оказался не в состоянии выплачивать свои долги. В своем завешании князь мог лишь выражать надежду, что царь прикажет «снять» с него долги или разрешит выплачивать их в рассрочку («по летам»). И царь оказал ему помощь. Известно, что князь получил из царской казны средства на обновление запустевшего Новосиля.

Еще один важный шаг был предпринят царем летом того же 1566 года. Публично обвиненных им ранее в измене бояр и дворян царь теперь привлек к обсуждению одного из самых важных вопросов внеш-

ней политики Русского государства. Начавшаяся в конце 1562 года война между Россией и Великим княжеством Литовским из-за Ливонии после взятия русскими войсками Полоцка, а затем их поражения под Улой затянулась, не давая какого-либо перевеса той или иной из сторон. Недостатки в военной организации Великого княжества Литовского, которые позволили русским войскам добиться столь ощутимого перевеса на начальном этапе войны, не были устранены, но соотношение сил на главном театре уравнивалось той военной помощью, которую постепенно во все возрастающем размере стала оказывать Великому княжеству Литовскому Польша. Сигизмунду II удалось заключить союз с Крымом и в 1564—1565 годах татары дважды нападали на русские земли. Но союз этот заметно упал в цене, когда в следующем 1566 году султан потребовал от хана выслать войска в Венгрию на поля сражений между Османской империей и Габсбургами. Великому же княжеству Литовскому пришлось вести войну не только с Россией, но и со Швецией, с которой в эти годы у России был мир. Трудности ведения войны на два фронта заставили литовских политиков искать компромисс со своим главным противником.

В мае 1566 года в Москву прибыло «великое посольство» Великого княжества Литовского во главе с одним из первых вельмож этого государства Юрием Александровичем Ходкевичем. Переговоры с ним вели наиболее близкие советники царя Василий Михайлович Юрьев, Афанасий Вяземский и член опричной Думы ясельничий царя и думный дворянин Петр Зайцев. Литовские послы предложили разделить Ливонию между обоими государствами: каждое из них должно было сохранить за собой занятые к 1566 году земли, а те земли, которые находились в руках шведов, следовало «доступати за один», а затем также «поделить». Такой раздел Ливонии мог быть вполне реальным, так как Швеция в XVI веке не была столь мощной военной державой, как в следующем XVII столетии, и не смогла бы сопротивляться совместному натиску двух своих соседей. Возможно, если бы царь дал согласие на эти предложения, исход Ливонской войны оказался бы иным.

Царь и его советники расценили эти предложения как свидетельство слабости литовской стороны и попытались использовать ситуацию для того, чтобы дипломатическим путем добиться отказа Великого княжества Литовского от главных центров Ливонии. Уступая Сигизмунду II Курляндию и часть земель в районе Полоцка, занятых в 1563 году русскими войсками, царь добивался признания его прав на всю остальную Ливонию, в частности на ливонские замки, лежащие на Западной Двине, и на расположенную в устье этой реки Ригу. Однако надежды на то, что литовскую сторону удастся принудить заключить такое соглашение, оказались необоснованными. Западная Двина была тем путем, по которому магнаты и шляхта Великого княжества через Ригу вывозили свой хлеб и «лесные товары» на европей-

ский рынок. Именно желание поставить этот путь под свой контроль было одним из главных мотивов вмешательства Великого княжества Литовского в ливонские дела. Неудивительно, что литовские послы категорически отказались уступить ливонские замки на Двине или обменять их «на Полтеск и со всем, что к Полтецку взято» (хотя Полоцк царь Иван им и не предлагал). К концу июня 1566 года переговоры зашли в тупик.

В этой ситуации царь нашел нужным 28 июня 1566 года собрать не только Боярскую думу, но и представителей разных «чинов», ознакомить их с результатами переговоров и запросить их мнение. Этому собранию придавалось важное значение, так как запись о его созыве и принятых решениях была включена в текст официальной летописи.

Кроме членов Боярской думы и думных дьяков высказать свое мнение пригласили 205 детей боярских — членов «государева двора», 4 помещиков из Торопца и 6 помещиков из Великих Лук, 33 дьяка и верхушку московского купечества — 12 гостей, 41 человека из «москвичей торговых людей», 22 «смольнян» (членов объединения купцов, переселенных в Москву из Смоленска после его присоединения к России в 1514 году). Изучение биографических данных о детях боярских — участниках собрания, позволило исследователям сделать вывод, что дети боярские — члены особого двора Ивана IV, опричники, в работе собрания участия не приняли.

В ответ на поставленный вопрос представители разных сословных групп подали свои «речи», общий смысл которых сводился к тому, что условия мира, предложенные литовской стороной, неприемлемы и следует продолжать войну. В этой связи дети боярские — участники собора заявляли, что они «на его государево дело готовы», а купцы, хотя и «люди неслужилые», были еще более решительны в высказываниях: «Не стоим не токмо за свои животы и мы головы свои кладем за государя везде». «Речи» участников собрания 2 июля были внесены в текст особой «грамоты». Церковные иерархи и члены Боярской думы скрепили грамоту своими подписями, а дети боярские и купцы «на своих речех крест целовали». При рассмотрении материалов о созыве этого собрания, его деятельности и принятых решениях возникает целый ряд вопросов, на которые до сих пор исследователям не удалось получить убедительного ответа.

Каким образом в правление государя, поставившего своей сознательной целью достижение неограниченной, ни в чем не зависящей от подданных власти, и к тому же после того, как он практически добился такой власти, было создано первое в русской истории собрание членов разных сословных групп для принятия решения, касающегося одного из наиболее важных вопросов русской внешней политики? Какие мотивы побудили царя собрать такое собрание, каких целей он при этом хотел добиться?

Определенно можно утверждать только одно — собрание созвали

не для того, чтобы оказать давление на литовских послов и продемонстрировать им, что русское общество поддерживает политику царя. На переговорах с литовскими послами, которые продолжались некоторое время и после 2 июля, ни созванное царем собрание, ни принятые на нем решения даже не упоминались.

По аналогии с сословными собраниями последующего XVII столетия, собрание, созванное Иваном IV летом 1566 года, называют Земским собором. Название это условное, так как в источниках середины XVI века оно не встречается. И по своему составу это собрание заметно отличалось от Земских соборов XVII столетия. На последние, как правило, собирались выбранные по определенным нормам представители уездных дворянских организаций и городских посадских общин. Поэтому исследователи правильно характеризуют их как собрания, на которых царь и его советники обсуждали важные политические вопросы с выборными представителями сословий. В собрании же, созванном Иваном IV, представители каких-либо городов, кроме Москвы, не участвовали. Что касается детей боярских — участников собрания, то исследователи пришли к общему выводу, что царь призвал для совета детей боярских — чинов земского «государева двора», находившихся в это время в Москве. Они, конечно, были одновременно членами своих уездных дворянских организаций, но, судя по всему, не были выбраны этими организациями для участия в собрании. Таким образом, до настоящего органа сословного представительства собранию, созванному царем Иваном, было далеко. И все же, несмотря на все эти оговорки, именно собрание, заседавшее в Москве в июне-июле 1566 года, приходится иметь в виду, говоря о зачатках феодального парламентаризма в средневековой России.

При всей очевидной неполноте наших данных об этом важном эпизоде истории России середины XVI века некоторые существенные заключения все же могут быть сделаны. Каковы бы ни были намерения царя, предпринятый им шаг снова характеризует его как политика, способного к нестандартным политическим решениям. Совершенно очевидно и другое. Пригласив земских бояр и дворян, которых царь еще недавно обвинял в измене и нежелании «оборонити христианство» от «Литвы», к обсуждению вопроса о будущих отношениях с этим государством и попросив их совета, царь явно сделал еще один шаг по пути улучшения своих отношений с земщиной.

В 1566 году лишь двоюродный брат, князь Владимир Андреевич Старицкий, вызывал какие-то подозрения царя. В январе — марте 1566 года по указаниям Ивана IV земские советники царя во главе с боярином и конюшим Иваном Петровичем Федоровым составили записи об обмене удельного княжества на города Дмитров, Боровск, Звенигород и Стародуб Ряполовский с частью прилегающих к ним земель. Цели этой меры очевидны. Всякие связи между детьми боярскими, традиционно служившими старицким князьям — князю Вла-

димиру и его отцу, тем самым разрывались, и старицкий князь полностью подпадал под воздействие приближенных, приставленных к нему царем в 1563 году. Переданные старицкому князю земли находились в разных районах страны и не граничили между собой. При этом только Дмитров с уездом полностью перешел под власть удельного князя. Боровск был передан только со станами около города, к Звенигороду была придана лишь одна волость Звенигородского уезда, в районе Стародуба Рязановского многочисленные села продолжали оставаться под властью царя.

Таким образом, осуществляя обмен земель, царь постарался, чтобы на новых землях количество военных слуг его двоюродного брата было сравнительно небольшим, а их владения в одних и тех же уездах соседствовали с владениями вассалов самого царя. Владелец такого удельного княжества вряд ли был способен предпринять какие-то самостоятельные действия, идущие вразрез с волей Ивана IV.

Внешне, однако, обмен выглядел почетным для Владимира Андреевича и, вероятно, был выгоден для него в финансовом отношении. Новый центр его княжества — Дмитров, который московские великие князья по традиции давали в удел второму сыну, несомненно, значительно превосходил Старицу, центр удела пятого, младшего сына Ивана III.

Весной 1566 года царь предпринял дружественный жест по отношению к двоюродному брату — разрешил ему расширить свой двор в Кремле, отдав ему для «пространства» «дворовое место боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского».

Однако если царь думал, что, сделав ряд уступок и дружеских жестов в адрес своего брата и земского дворянства, он добьется консолидации общества для продолжения трудной войны (один из возможных мотивов действий, предпринятых Иваном IV весной 1566 года), то он ошибся. Сделанные им уступки побудили недовольных подданных поднять вопрос об упразднении всего установленного в 1565 году режима.

Обозначившиеся трудности ярко проявились, когда встал вопрос о замещении вакантной митрополичьей кафедры. 19 мая 1566 года «за немощью велию» оставил кафедру и удалился в Чудов монастырь митрополит Афанасий. Иногда полагают, что этот уход был в действительности выражением протеста против политики царя. Однако Афанасий покинул кафедру как раз тогда, когда стали приниматься меры для заметного смягчения режима, и это заставляет думать, что в официальной летописи указана действительная причина ухода — тяжелая болезнь.

Уже в начале июня в Москве собрались епископы для избрания преемника митрополита, и здесь возникли сложности. По сообщению Курбского, первоначально царь решил возвести на митрополичью кафедру казанского архиепископа Германа Полева. Герман про-

исходил из семьи, тесно связанной с Иосифо-Волоколамской обителью, и сам был постриженником этого монастыря, занимал в нем высокий сан казначея. Для царя, вероятно, это гарантировало благонадежность кандидата. О доверии к нему Ивана IV говорит и тот факт, что Герман Полев получил казанскую кафедру в марте 1564 года, когда вопрос о лояльности советников (в их числе и высших церковных иерархов) приобрел для Ивана IV большую остроту. Между царем и собором святителей была уже достигнута договоренность по поводу кандидатуры Полева, и архиепископ уже въехал в митрополичьи палаты. Однако тут произошло непредвиденное. Он стал беседовать с царем, «воспоминающе... страшный суд Божий и стязания нелицеприятное кождоу человека о делех, так царей яко и простых». Напоминание о Страшном суде, на котором придется отвечать за свои поступки, вызвало гнев царя («еще... и на митрополию не возведен еси, а уже мя неволею обвязуеш»), и Полев был удален с митрополичьего двора.

Новым кандидатом на митрополичью кафедру стал игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев. Выбор был необычным и противоречил традиционной практике, когда митрополичью кафедру занимал кто-то из епископов или настоятелей московских или подмосковных монастырей, хорошо известных правителю. Игумен далекой северной обители, расположенной на островах в Белом море, к кругу таких людей не принадлежал. Правда, в годы игуменства Филипп Колычев показал себя образцовым организатором монастырского общежития, построив в своей обители каменные храмы и склады, но все это вряд ли могло послужить основанием для того, чтобы предпочесть его другим кандидатам. Исследователи высказывают предположение, что кандидатуру игумена могли предложить его двоюродные братья — Федор и Василий Ивановичи Умные Колычевы, в то время близкие к царю (в начале 1567 года Федор Иванович Умной Колычев был послан с важной миссией в Литву). Возможно, царь думал, что взысканный его милостью игумен станет его послушным орудием. Но если так, то царь ошибся.

Когда игумену Филиппу была предложена митрополичья кафедра, то он стал говорить, чтобы «царь и великий князь отставил причину, а не отставит, и ему в митрополитех быти невозможно»; государство же «соединил воедино, как прежде того было». Свидетельство это почерпнуто из официальной грамоты о возведении Филиппа на митрополию, сохранившейся в оригинале, и не может вызвать никаких сомнений. Казалось, Филиппа ждала судьба Германа Полева. Однако этого не произошло. Исследователи задавались вопросом, почему царь в конце концов согласился возвести на митрополичью кафедру человека, который так открыто продемонстрировал враждебность его политике. Известное объяснение позволяет дать анализ текста, который читается в грамоте после изложения требований Фи-

липпа: «и архиепископы и епископы царю о том били челом о его гневѣ, и царь гнев свой отложил». Очевидно, собор епископов дал понять царю, что он настаивает на избрании именно Филиппа. Между сторонами начались переговоры, которые завершились тем, что 25 июля (более чем через два месяца после ухода Афанасия) Филипп Колычев был возведен на митрополичью кафедру после того, как дал обязательство «в опришнину... не вступатися».

Обнаружившиеся в этих событиях уступчивость и нерешительность царя, очевидно, побудили земских дворян подать Ивану IV коллективную челобитную об отмене опричнины. В русских источниках сохранились лишь самые общие воспоминания об этом событии. В «Пискаревском летописце» читаем: «И бысть в людех ненависть на царя от всех людей, и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти». Более конкретные сообщения сохранились в записках иностранцев. Наиболее подробен рассказ Шлихтинга: «В 1566 году сошлись многие знатные лица, даже придворные самого тирана, число которых превышало 300 человек, для переговоров с ним и держали к нему такую речь: «Пресветлейший царь, господин наш! Зачем велишь ты убивать наших невинных братьев? Все мы верно тебе служим, проливаем кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздаешь нам теперь такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим телохранителей, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших. Чинят обиды, бьют, режут, давят, под конец и убивают». Два свидетельства, иностранное и русское, дополняют друг друга: за устным выступлением последовала подача челобитной, скрепленной подписями. Хотя весной-летом 1566 года царь пошел на определенные уступки своим подданным — «земским детям» боярским, от решения об отмене опричнины он был весьма далек. В мае 1566 года, когда было принято решение о помиловании казанских ссыльных, царь, не желая более оставаться в «земском» Кремле, приказал поставить себе особый двор в той части Москвы, что была взята им в опришнину, — «за Неглимною межъ Арбатские улицы и Никитские» (примерно на том месте, где сейчас находятся старые здания Московского университета — аудиторный корпус и библиотека). Подача челобитной вызвала гнев царя. Челобитчики были брошены в тюрьму, а затем биты палками, а лица, признанные зачинщиками, казнены. Их имена названы в наказе посольству, отправленному в начале 1567 года в Литву: князь Василий Рыбин и Иван Карамышев — «про тех государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскую землею лихо».

Князь Василий Федорович Рыбин Пронский, член рязанского княжеского рода, и Иван Михайлович Карамышев входили в состав земского «государева двора» и занимали в нем не последнее место. Присутствовавшие на созванном царем соборе «дворяне» делились на «первую» и «вторую» статьи. Рыбин Пронский и Карамышев принад-

лежали к первой, занимавшей более высокое положение группе. В списке дворян «первой статьи», однако, оба помещены в самом конце, а открывался список именами князей Шуйских и Оболенских. Это заставляет думать, что в составе «государева двора» было много дворян более знатных и занимавших более видное положение, чем Рыбин и Карамышев. Если такие сравнительно незнатные лица встали во главе коллективного обращения к царю, то можно полагать, что и собравшиеся под их руководством челобитчики вряд ли принадлежали к знатным княжеским и боярским родам. Установленный в стране режим явно вызывал недовольство не только верхушки знати.

Расправа с челобитчиками стала поворотным пунктом в политике царя. Разгневанный на неблагодарных подданных, не оценивших оказанные им милости, он вернулся к прежнему политическому курсу, который стал проводить в жизнь с еще большей решительностью.